

СЕМИРЕЧЬЕ И ТРАНСОКСИАНА: ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ИСТОРИИ ТЮРКИЗАЦИИ И СЕДЕНТАРИЗАЦИИ РАВНИННЫХ РАЙОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

(Fourniau, Vincent. La Semiretchie et la Transoxiane: leurs liens dans l'histoire des turcisations et des sédentarisation en basse Asie Centrale // Hommes et terres d'Islam. Mélanges offerts à Xavier de Planhol et réunis par Daniel Balland. Tome II. Institut Français de recherche en Iran.

Bibliothèque iranienne 53. Paris, 2006)

Предлагаемая вниманию читателей статья французского исследователя Венсана Фурнио посвящена особой роли Жетысу (Семиречья) в многовековом процессе адаптации тюркоязычных кочевников Центральной Азии к новой для них физико-географической реальности Средней Азии, не одну тысячу лет знакомой с орошаемым земледелием и оседлостью. Как известно, вплоть до самого недавнего, по историческим меркам, времени, и орошаемое земледелие, и оседлость на этой территории были, главнейшим образом, связаны с ираноязычным населением Согда и Бактрии, а затем, после арабского завоевания и сложной этно-лингвистической трансформации восточно-иранского населения, с таджиками Мавераннахра. Автор статьи показывает, что усиленная тюркизация значительной части ираноязычного населения оазисов и предгорий Средней Азии оказалась возможной во многом благодаря тому, что тюрки-завоеватели Средней Азии (а именно, "кочевые узбеки"), не имея возможности пользоваться пастбищами Семиречья, где правила казахские ханы, сумели сохранить во всей полноте традиционный хозяйственный цикл и кочевую идентичность, присущую их предшественникам. Таким образом, он подчеркивает значение Семиречья для сохранения кочевой идентичности тюрками-завоевателями Средней Азии на протяжении многих столетий.

Ориентируясь на культурно-экологический подход к объяснению этно-исторических процессов, автор говорит о том, что транзитная и адаптационная роль Семиречья для монгольских и тюркских кочевников предыдущих эпох была связана с известным физико-географическим (экологическим, в терминологии Фурнио) сходством Семиречья с теми областями Внутренней (по Фурнио, Высокой) Азии, откуда брали начало миграционные волны. Другими словами, Семиречье было последним рубежом, так сказать, естественной кочевой среды, за которым начиналась совершенно иная, преимущественно оседло-земледельческая, среда. С другой стороны, автор статьи настаивает на принципиальной отличии природной среды Семиречья не только от равнинных и предгорных районов Средней Азии, но и от Центрального Казахстана, что выделяет Жетысу в особую физико-географическую, а не только историко-географическую область.

Другой вывод Фурнио: тюркизация Средней Азии (и превращение ее в Туркестан) связана с массовым переходом на оседлость самих узбеков и, следовательно, не была лишь тотальной ассимиляцией ираноязычных автохтонов (что делает неверным бытующее расхожее представление о том, что современные оседлые узбеки — это исключительно оттореченные иранцы). Разумеется, довольно трудно определить в настоящий момент, какую именно долю в составе узбекского этноса составляют потомки осевших на землю кочевников, а какую — вынужденно или добровольно заговорившие по-тюркски таджики. К тому же, исследование этой проблемы осложнено политическими соображениями. Тем не менее, как это достаточно убедительно показано в статье, в новых исторических условиях, сложившихся в Мавераннахре к концу XV в., именно утрата Семиречья, наряду с недоступностью пастбищ Хорасана, вынудила кочевников перейти на более производительное в этой географической среде орошаемое земледелие, давно и успешно практиковавшееся местным ираноязычным населением. Добавим от себя, что седентаризация и освоение техники земледелия кочевым населением Мавераннахра происходили постепенно, через длительные этапы полукошевого и полуседелого существования и сосуществования с оседлым ираноязычным населением, что разительно отличает седентаризацию узбеков от случившейся в двадцатом столетии радикальной и имевшей тяжелые последствия "шоковой" седентаризации казахов.

Читателю непросто будет разобраться с предлагаемой автором макротопонимической терминологией. Так, употребляемое на всем пространстве статьи и в ее заглавии понятие Трансоксиана, которое распространено во франкоязычной и отчасти англоязычной литературе, представляется уже несколько устаревшим и в русскоязычной литературе (в формах Трансоксиана и Трансоксиния) малоупотребительным. В российском (а вслед за ним и в казахстанском) востоковедении больше популярен арабский по происхождению топоним Мавераннахр (Мавераннахр, т.е. "то, что за рекой", "Заречье"), латинской калькой которого фактически и является слово Трансоксиана (буквально: "[область] за Оксом"; при этом Окс — это река Амударья). Хотя в средние века понятие Мавераннахр (Трансоксиана) стало включать в себя все территории между Амударьей и Сырдарьей (в их среднем течении), оно все же не распространялось на области Чача (Ташкента) и Фергану, возможно, за исключением ее западной части (Худжанд). В то же время оседание узбеков происходило не только в среднеазиатском Междуречье, но и в двух вышеназванных областях, а также в Бактриане (Балхской области, то есть, на левобережье Аму) и в Хорезме. Впрочем, из содержания статьи следует, что понятие Трансоксиана употребляется автором весьма и весьма расширительно.

Также не всегда легко понять, что подразумевает автор под термином Высокая Азия. В русскоязычной географической литературе Высокой Азией обычно называют высокогорный пояс, охватывающий, в частности, Тянь-Шань, Памир, Гиндукуш, Куньлунь, Каракорум, Гималаи, Тибетское нагорье. В то же время в понимании В. Фурнио, Высокая Азия — это не высокогорные, а глубинные районы Центральной Азии (Монголия, Гоби и т.д.), что совпадает с известным определением Л.Н. Гумилева и с узким значением термина Центральная Азия (= собственно Центральная Азия, или Внутренняя Азия). В самом первом абзаце статьи понятия Высокой Азии, Центральной Азии и Внутренней Азии фактически не разделены (так, Высокая Азия названа "обширным районом передвижения и переселения народов, где образовывались империи", а Внутренняя и Центральная Азия (между которыми фактически проведен знак равенства) названы "огромной территориальной общностью", к тому же объединенной общей историей. Но ведь империи образовывались главным образом тогда, когда кочевники внутренних районов Азии устремлялись (мигрировали) на запад, юго-запад, юг и юго-восток и так или иначе подчиняли своему влиянию оседлые территории.

Вводимое же автором понятие Западная Центральная Азия тоже расплывчато. Вначале оно вводится с пояснением, что термин касается территории, примерно совпадающей с территорией пяти среднеазиатских республик СССР, однако дальше следует пояснение: территория "от Иртыша до Хорасана", которое все же подразумевает некую территорию, вытянутую с северо-востока на юго-запад, то есть, минуя Центральный и Западный Казахстан (а также Хорезм? Туркмению?) и как бы не включая эти территории, однако затем автор утверждает, что Центральный Казахстан, Хорезм и Южная Бактриана (находящаяся все же за пределами бывшего СССР), этим понятием все же охватываются.

Увязывая процесс массового оседания тюрков-кочевников в Мавераннахре (Трансоксиане) лишь с утратой Семиречья, автор не вполне четко прослеживает тот очевидный факт, что социокультурное взаимодействие кочевого и оседлого населения в этой области, как и процесс оседания кочевников, происходили на протяжении всех трех тысячелетий оседло-кочевого диалога. Будучи транзитно-адаптационной зоной для кочевников, Семиречье было, как известно, и торгово-транспортным коридором и одновременно местом колонизации для оседлых народов.

При всем при этом, повторим, основная мысль автора — транзитный характер Семиречья для миграционных потоков, следовавших в направлении северо-восток — юго-запад (Иртыш — Мавераннахр — Хорасан), представляется весьма обоснованной. Особое положение области, расположенной между Джунгарией и Мавераннахром, подчеркивается и ее экологическим отличием и от "степей Центрального Казахстана". Семиречье предоставило кочевникам возможность вертикального кочевания, отдав в их распоряжение великолепные горные пастбища. Это несколько трансформировало кочевой хозяйственный тип, в частности, усилив роль зимников и создав предпосылки создания постоянных зимних жилищ и развития земледелия в зимних поселениях, но не принудило кочевников к полному отказу от кочевания. Неудивительно поэтому, что еще в монгольское время Семиречье и области Центрального Казахстана попали в разные государственные образования (улусы). Природные условия Семиречья, оказавшись пригодными для сохранения кочевого и полукочевого образа жизни, конечно, отличались от условий собственно Средней Азии, Мавераннахра.

Однако, если смотреть на этот район не со стороны Высокой Азии (Монголии и Джунгарии), а со стороны Трансоксианы, то Семиречье, безусловно, является степной, кочевой периферией Туркестана. С геополитической же точки зрения Семиречье долгое время было барьерной, плохо маркированной и неструктурированной территорией, для которой характерны неустойчивость и текучесть геополитической среды, непостоянство ландшафта и разреженность среды обитания. Но характерно, однако, что когда после поражения Кокандского ханства эта область попала в жернова геополитической трансформации и структурирования по европейскому образцу, территория Семиречья была включена в состав Туркестанского края (= Трансоксианы), а не Степного края.

Благодаря своему расположению в самом сердце евроазиатского материка, *Высокая Азия* (*la haute-Asie*) в течение долгого времени являлась обширным регионом передвижения и переселения народов, где образовывались империи, объединявшие в своем составе многие географические области и этнические общности. Поэтому скорее богатая история, нежели географические факторы затрудняют точное определение границ огромной территориальной общности, известной как *Внутренняя Азия* (*l'Asie interieure*) или *Центральная Азия* (*l'Asie centrale*).

С самого начала исторической эпохи *Высокая Азия* была территорией, великолепно подходящей для кочевого скотоводства. И в то же время она включает в себя земледельческие оазисы, как правило, цепочкой окаймляющие предгорья. Часть этих оазисов находится в Трансоксиане, представляющей собой область развитого оседлого земледелия и плотной урбанизации. Вся история этого региона развивалась в тесной зависимости от степных империй, которые неоднократно поглощали его и превращали в арену важнейших миграций народов, большая часть которых относилась к кочевникам.

В этнолингвистическом плане, взаимодействие между обитателями различных экологических (физико-географических) областей *Высокой Азии* породило процесс тюркизации, последовательно развивавшийся от Монголии до Среднего Востока. Это взаимодействие служило также образованию

отдельных исторических областей, стабильность которых зависела от ряда внутренних и внешних факторов. Территория, простирающаяся от Хорасана (северо-восток Ирана) до верхнего течения Иртыша и Ишима (восток Казахстана) представляет собой один из замечательных примеров такой исторической области, сформировавшейся в послемонгольское время. Данное исследование касается именно этой историко-географической области, примерно совпадающей с территорией пяти бывших советских республик Средней Азии, к которой здесь и применяется термин *Западная Центральная Азия*¹.

Следует отметить, что никакая другая часть Евразии не представляет собой такого разнообразия как с точки зрения природной среды на пространстве между Хорасаном и Иртышом, так и с точки зрения исторических процессов, особенно тех из них, что касаются взаимодействия между кочевой степью и оседлыми земледельческими оазисами².

Это тот самый контраст, который создает проблему разнообразия ситуаций, описываемых такими общими терминами, как "степь", "оазис" и "тюркизация", и представляющих историческое развитие в конкретных процессах, например, таких, как седентаризация или этнополитическая эволюция в Трансоксиане средних веков и нового времени. Другими словами, для того, чтобы оперировать с частью того разнообразия и того единства, которое описывается термином *Высокая Азия*, и

¹ Речь идет о следующих республиках: Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан.

² Действительно, *Западная Центральная Азия*, представляющая собой подобие круга, южная полуокружность которого проходит по Каспийскому морю, Гиндукушу, Памиру и Тянь-Шаню, отличается огромным разнообразием природной среды. По мере того как в направлении с севера на юг лесостепь сменяется степью, а та — пустыней, растительный покров, из-за все возрастающей аридности, становится все более и более скудным. Вся восточная, высокогорная часть региона, за исключением зоны Восточного Памира, отличается от его низменной части гораздо большей влажностью, что до сих пор мало использовалось. Как экономическая зона и область обитания человека, этот высокогорный район образует собой некий полюс, который не обладает ни земельными ресурсами, ни теплом, обеспечивающими земледелие в более засушливых равнинных районах, однако, снабжает последние водой рек, текущих с гор в направлении Арало-Каспийской низменности, особенно паводковых в периоды снежно-ледниковых паводков, продолжающихся с конца весны в течение всего лета.